

ТОТАЛИТАРИЗМ и тоталитарное сознание

Вып. 4

Томский областной антифашистский комитет

ТОМСК — 2001

В.А. Попова

Формирование политического сознания в советском обществе в 30-е гг. (на примере анализа центральной прессы методом контент-анализа)

Контент-анализ — один из широко используемых в современной политологии методов получения информации. Его используют, когда хотят получить некоторым образом систематизированные и структурированные эмпирические данные из массива документальных источников. Под документом здесь понимается всякая каким-либо способом сохраненная информация (письменные, аудио-, видеоматериалы и т.д.).

При помощи этого вида анализа можно, в частности, получить эмпирические данные, служащие основанием для построения теоретической картины тоталитаризма. Предлагаемая работа основана на этом методе и ставит своей целью изучение пропаганды и социализации человека в тоталитарном обществе как немаловажных компонентов тоталитаризма. Такой подход предполагается из того, что все институты, структуры, ответственные за политическую социализацию, в тоталитарном обществе находятся под контролем государства.

Под пропагандой в данной работе понимается долговременная, систематическая деятельность по внедрению, закреплению или смене установок и стереотипов в общественном сознании через воздействие на его элементы с помощью СМИ или через массовые коммуникации. А зная уровень централизации подобных процессов в рамках тоталитарного общества, можно говорить о несомненной значимости её изучения для понимания специфики жизни человека в этом обществе, механизмов формирования его менталитета, особенности протекания процессов социализации. Это совершенно оправданно, если воспринимать социализацию как ту «часть процесса становления личности, в ходе которого формируются наиболее общие распространенные, устойчивые черты личности, проявляющиеся в социально-организованной деятельности, регулируемой ролевой структурой общества»¹.

1 Современная западная социология: Словарь. — М.: Политиздат, 1990. С. 316.

Работа является попыткой использовать концептуальные положения классических моделей тоталитаризма (в основном представленных в работах Х. Арендт, Р. Арона, З.Бжезинского) для анализа исторических реалий. При этом, однако, нельзя забывать, что реальность отличается от моделей: явление динамически развивается во времени, некоторые её особенности детерминированы в каждом конкретном случае и своеобразными стартовыми условиями, и исторической традицией, и контекстом. И простой параллельный перенос элементов модели на реальную действительность может поставить ученого перед рядом проблем¹. В частности, применение общей модели к конкретной реальности в зависимости от круга интересов различных ученых ведет к выявлению несовпадающих черт и отличительных особенностей тоталитаризма.

Но все же есть признаваемые многими исследователями черты, вне проявления которых мы не можем говорить о тоталитаризме. Одна из них - идеологическая обработка, пропаганда. Эта работа заостряет внимание на идеологической компоненте тоталитаризма. Она соединяет то «бесклассовое общество», массу, у которой нет скреп, которые присутствуют в демократических режимах: экономической, политической, символической заинтересованности отдельных социальных слоев к взаимосвязи и сотрудничеству, что является основой для нормального функционирования общества². Более того, можно сказать, что именно на таком уровне, через восприятие централизованно подаваемой идеологии во всех институтах, на всех уровнях социальной жизни партия и государство контролировали и направляли процессы политической социализации, формируя тип «советского гражданина». Но идеология тоталитаризма и, как следствие, конкретные направления социализации тоже рассмотрены в литературе в основном на уровне модели тоталитаризма, что представляется явно недостаточным.

Соответственно, проведение подобной работы логически оправданно. В методическом изложении её обоснование выглядит следующим образом: изучение тоталитарной пропаганды в СССР 30-х гг. возможно с помощью анализа периодической печати, потому что

она была доступной очень большому количеству людей за счет огромного тиража и периодичности газет партийных органов;

1 Тоталитаризм, что это такое?: (Исследования зарубежных политологов): Сб. ст., обзоров, реф., пер.: В 2 частях. — М.: ИНИОН, Ч.1. С. 7-46. Ч. 2. С. 92-115.

2 Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. — М.: ЦентрКом, 1996. С. 459-465.

— форсированной поголовной ликвидации неграмотности;

— практикуемого коллективного чтения;

— в обществе увеличился процент маргиналов и людей невысокой общей культуры (крестьянство, люмпены), что не предполагает критического восприятия.

Все перечисленное находит подтверждение и в социальной психологии:

— тенденции к слепому доверию печатному тексту выявляли многие исследователи, занимающиеся вопросами перехода от традиционного общества к индустриальному, что, в числе прочего, является спецификой советского варианта тоталитаризма;

непротиворечивость печатаемой информации делала её более предпочтительной даже перед лично воспринятой реальной действительностью; массы предпочитают сфабрикованную, предлагаемую идеологию, но непротиворечивую и логично увязанную, что происходит из-за потерянности человека в мире, утери крепкого привычного статуса и коммуникативных связей¹.

Таким образом, можно предположить, что текст в тоталитарном мире, каким бы вульгарно хвалебным и неправдоподобным он ни был, предназначался в первую очередь не для внешнего, выключенного из контекста наблюдателя, а выступал в виде своего рода внутренних директив, единственно правильных моделей существования. «Функционирование тоталитарного текста — принципиальное сужение мира до требуемых образцов поведения»².

Итак, путь исследования — анализ газеты. Анализ таких наличных безличных первичных документов может существенно прояснить наше понимание исследуемого периода. Анализ проводится за десятилетний отрезок времени: с 1931 по 1940 год (1931-33-37-40 гг. Сбой — вместо необходимого по выборке 34 года пришлось анализировать 33-й — из-за ограниченности доступного фонда источников). Для анализа случайным образом отбирается 15% годового комплекта газеты, с интервалом в 3 года, что дает 4 среза анализа. Данный объем выборочной совокупности позволяет распространять полученные данные на генеральную совокупность с доверительной вероятностью $P=95\%$ с точностью (максимально допустимой ошибкой) $D = \pm 4\%^3$.

1 Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 464-465.

2 Почепцов Г. Очерки тоталитарного символизма и мифологии. — Киев, 1994. С. 132.

3 О методе расчета см.: Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. — М.: Весь мир, 1997. — 544 с.

Анализируются передовые статьи, как выражающие позицию самой газеты¹. Газета «Правда» выходила ежедневно, являлась официальным органом РКП(б) — ВКП(б) КПСС, что также характеризует степень её читаемости и значимости публикуемых в ней материалов в тоталитарном обществе на всех его уровнях.

Несмотря на то, что индоктринация распространялась на все материалы газеты, анализ только передовых представляется достаточным. Кроме того, проводится анализ всего графического оформления соответствующих номеров газеты: карт, карикатур, фотографий, схем, рисунков и т. д. Это делается исходя из того факта, что графика притягивает к себе большее внимание на фоне однородного текста, следовательно, этим также можно выделить актуальные темы. Исходя из полученных данных, можно будет составить представление о той системе ожиданий, предпочтений, оценок, которую давала советскому гражданину партия в лице своего официального органа, вычленив те самые «требуемые образцы поведения», до которых сужался мир человека, его деятельность.

По результатам проведенного на этих методологических и методических основах исследования можно сделать краткое обобщение относительно каждого среза предпринятого анализа. Срезы исследования характеризуются:

1931 год: экономическое сообщение является доминирующим типом сообщения. Можно сделать вывод о прямолинейности задаваемой обществу цели. Крайний примитивизм такого подхода к пропагандируемым идеям доказывает, что именно экономический базис поглощал все внимание официальной пропаганды, не оставляя «надстройке» шанса на полноценное существование. Человек должен был существовать как производственная единица, и только это оправдывало его существование в глазах власти, не задумывающейся о стимулировании другого уровня, кроме как гордости производителя. Таким образом, стимул был внешним по отношению к реальной повседневной жизни человека.

1933 год: есть специфика по отношению к первому срезу. Это относится к появлению прослойки бытийных сюжетов, долженствующих уверять в уже сложившихся преимуществах жизни любого советского гражданина. Её присутствие придает некоторый вес неучтенной ранее «надстройке» над экономикой. Это ещё не вполне «человеческий фактор», но можно говорить о соответствующей тенденции. Таким образом, внедрение идей идет в сознание уже не прямо, но через косвенную мотивацию: экономические успехи страны влияют на улучшение жизни каждого конкретного человека.

1 Определение передовой статьи, позволившее сделать такое заявление, взято из БСЭ, 2-е изд. Т.32. М.: БСЭ, 1955. С. 408.

Причем в тоталитарной системе вместе с этим и для этого же, вероятно, можно отметить появление необходимости в жесточайшей, пока в основном производственной, дисциплине, осуществление которой, с учетом количества упоминаний надобности этого, можно считать только искусственным, привнесенным извне. Эта тенденция отмечается еще в первом срезе анализа.

1937 год: Содержательно приоритет сместился от создания личной экономической заинтересованности людей в необходимости жертвовать сегодняшним днем ради светлого завтра к доминированию сообщений, использующих для этого символическую и, характерно, не привязанную к экономике окраску. Символы эти в большинстве своем были позитивного характера, содержательно корреспондировались с ростом технического и культурного превосходства СССР перед капиталистическими странами и не были, можно ещё раз подчеркнуть, отображением изменений жизни реального гражданина (грандиозные промышленные сооружения, символические подвиги и достижения в спорте, культуре, мировые рекорды в преодолении препятствий, трудностей, но не повышение уровня жизни рядового гражданина).

1940 год: превалирующую роль, неожиданно заняв одну из первых позиций, получила тематическая группа символов готовности к активной обороне страны от внешней агрессии (а не просто констатирование существования армии, поддержание патриотизма). Именно эта тема отобрала сплывающую роль у символов культуры и превосходства СССР, лидирующих ранее. Эта смена приоритета может говорить только о несостоятельности данной группы в роли фактора, сплывающего и мобилизующего, так как внешних условий для такой быстрой и очень радикальной смены приоритетов не было, исходя из исторических реалий. Но, тем не менее, при смене приоритетов опора идет все же на символ, а не на реальность. Это все так же происходит на фоне примата экономической тематики. Снова выросла роль поддержания дисциплины, не востребованной на предыдущем этапе.

Таким образом, тема необходимости героических производственных свершений, постоянно присутствующая и занимающая значительное место в общем объеме (в среднем от 18 до 30 % в передовых, например), красной нитью проходит сквозь все это десятилетие. Вариации происходят только в том, ради чего именно необходимы данные свершения. От их необходимости как самоценности приоритет переходит к необходимости производственных подвигов ради экономического благополучия, затем — для воспроизведения преимуществ, даваемых победившим социализмом (в принципе, а не конкретному человеку), а затем — ради их охраны. Также происходит переход от реальности к символу как основе такой необходимости. Понятно, что в отличие от

реальности, которая является объективно существующим явлением, символ — то, что служит условным знаком какого-либо понятия, явления, идеи, структура символа направлена на то, чтобы через каждое частное явление дать целостный образ мира. Смысл символа строго задан и соотносится не с реальностью, а с другими символами. Также, в частности, как следствие, уже не существует необходимости в действительном наличии самого явления для легитимации выдвигаемых требований.

Если рассматривать эти результаты параллельно с данными истории, можно заметить, что существует несоответствие между ними. Акценты и приоритеты, выявленные в данной работе, расставляемые повседневной прессой, могут не совпадать с теми, что находят исследователи на основании открыто декларируемых властью во вне принципов. А, так как нормы и ценности, почерпнутые из газеты, воспринимались на нерелексивном уровне, через механизм суггестивного внушения, попадая, следовательно, в структуру представлений человека минуя его сознание, то и были более весомы в нем. Вывод об их суггестивном восприятии сделан на том основании, что статьи представляют собой в каждом случае не факты, а их интерпретации, снабженные массой конкретных, определенно-лично персонафицированных примеров. Изложение не является фактологическим, а носит строго предзаданную интерпретацию, что выражается, прежде всего, в огромной доле прагмем, очень ярко выраженной эмоциональной окраске графики.

Рационалистические мотивы, присутствующие в большей мере на первых этапах построения тоталитарного социалистического государства, с течением времени сводятся к минимуму, уступая приоритет чувственно-эмоциональной компоненте. Такая тенденция несомненно характеризует государственный строй.

Таковы выводы, явившиеся результатом работы, касающиеся существования и направления развития тенденций официальной пропаганды тоталитарного общества в СССР в 30-е годы. Режим формировал в человеке в каждый определенный момент времени именно те качества, черты, или хотя бы реакции, которые были необходимы для существования строя в конкретно существующих условиях. То есть происходила не прямая команда для выполнения человеком каких-либо функций, но опосредованная изменениями в менталитете человека, которые были инициируемы властными структурами.

Эти перемены, смены акцентов могут говорить и об «обратной связи», воздействии общества на государство, что отрицают некоторые исследователи. Адаптация и коррекция декларируемых для народа задач, целей, методов существования были выявлены и исследованы в работе.

Впрочем, необходимо отметить, что подобным образом изучать направления изменений пропагандистского воздействия государства на человека можно только в тоталитарном обществе. Демократическая система предполагает достаточно высокий уровень плюрализма, автономии индивида, гибкости и альтернативности различных структур системы по отношению к запросам человека, что может выразиться в несогласованности их действий. В ней нельзя делать выводы о направлениях социализации на основании только одного источника. Институты, инициирующие изменения в тоталитарном обществе, руководятся централизованно и проводят эти изменения в одном направлении, четко определяя единственное узаконенное для общества направление гражданской социализации.